

DISKUSE

К ВОПРОСУ ВЫЯСНЕНИЯ СУЩНОСТИ И ГРАНИЦ МОДАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Выясняя сущность и границы языковой модальности, следует иметь в виду некоторую стилизованность действительности в языковых значениях. Самыми важными в языковой стилизации являются грамматикализованные в узком понимании значения, т. е. значения, связанные с морфологической парадигмой или парадигмами, безотносительно к тому, имеется ли в виду морфология синтетическая или аналитическая; между языками наблюдаются в этом отношении различия — напр., отрицание в чешском языке выражается только словообразовательно, что сигнализирует его меньший удельный вес по сравнению с английским, в котором отрицание связано с парадигматической морфологической формой. Для грамматических значений в узком смысле вместе с тем характерна высокая степень общности и определенная оторванность от их первоначальной семантической основы. Модальность в традиционном понимании является значением, выходящим за пределы морфологии (в ее выражении участвуют и лексико-синтаксические и интонационные средства), однако морфологизация должна быть указателем того, какие именно „модальные“ значения стилизованы в конкретных языках как наиболее важные, она призвана способствовать различению отдельных значений, которые обычно подводят под понятие модальности, и подвести к сущности, respective к ядру модальности (к модальности в собственном смысле).

Прежде всего, я обращаю внимание на двойное понимание модальности, которая по общему мнению конституирует высказывание, то двойное понимание, которое привел в своем докладе С. Жажа: первое понимание основано на коммуникативном намерении высказывания (сообщение как таковое, вопрос, повеление, запрещение, желание и т. п.), другое — на противопоставлении реальности — ирреальности. Коммуникативное намерение особенно подчеркивают следующие общепринятые названия наклонений: изъявительное н., повелительное н., желательное н.;¹ однако, названия, как напр. условное н. или сослагательное н., не соответствуют этому пониманию. На противопоставлении реальности — ирреальности зиждется понимание наклонений в новой академической грамматике русского языка, оперирующей также и с наклонениями синтаксическими; на симпозиуме подчеркнула значение этого противопоставления Г. А. Золотова. Общее противопоставление этого типа, по моему мнению, действительно постигает сущность модальности в современном русском языке, а также, напр., и в современном чешском. Но я полагаю, что ее сущность

¹ В аскимско-алеутской группе языков встречается даже вопросительное наклонение; ср. *Языки народов СССР V*, Ленинград 1968, 377 и 398.

лучше выявляет противопоставление реальности — потенциальности, причем это противопоставление следует считать „эквиполентным“ (а не „привативным“). Реальность или потенциальность выражена в русском и чешском языках любой личной формой глагола и вообще основой предложения, какой бы коммуникативной намеренностью ни обладало конкретное предложение („высказывание“); следовательно, реальность или потенциальность представляет собой общее семантическое ядро всех русских и чешских предложений, включающее в себя уже более конкретные значения коммуникативной намеренности. Из этого вытекает, что морфологические наклонения, в которых реальность или потенциальность грамматикализованы в узком смысле, могут служить и действительно служат средствами выражения коммуникативной намеренности предложений, будь то как таковые (изъявительное и повелительное наклонения), или в комбинации с лексико-синтаксическими средствами (вопросительными местоимениями, желательными частицами и т. п.); в обоих случаях заявляет о себе еще и интонация (при выражении простого сообщения посредством изъявительного наклонения или повеления повелительным наклонением по существу излишне). Исчезновение или изменение индоевропейского сослагательного наклонения (конъюнктива) и желательного наклонения в древнейшем периоде славянского языка, а с другой стороны, развитие условного наклонения свидетельствует об эволюции от более специальных морфологических средств для выражения отдельных значений коммуникативной намеренности или других более конкретных значений к морфологическим средствам с более общими модальными значениями. Условное наклонение постепенно расширяло свои функции и стало потенциальным наклонением в самом подлинном смысле. Повелительное наклонение, в котором потенциальность и коммуникативная намеренность находятся в теснейшей связи (оно выражает необходимость [в языковой стилизации] как одно из частных значений потенциальности, причем говорящий обращается к слушающему с прямым призывом осуществить эту необходимость), оказалось вследствие развития общего противопоставления реальности — потенциальности на периферии парадигмы наклонений в качестве специального потенциального наклонения, подобно тому как вокатив занимает периферийное положение в системе падежей.

В русском языке повелительное наклонение получает и функции неапеллятивные; ср., напр., *Сын помогай семье, а ему помочь никто не хочет*,² *Придет с дежурства, начнет шуметь, я опять не спи всю ночь, Будь тишина, я бы занимался*. Условное же наклонение в русском языке вышло за пределы морфологии, т. е. имеет место синтаксизация его (с точки зрения флективного языкового типа), ср. *Я пришел бы, Была бы тишина!, Надо бы поговорить с ним, Не худо бы отдохнуть!, Конец бы войне!, Тишина бы, так я бы мог заниматься, Будь бы тишина, я бы занимался, Тебе бы повзвонить ему, Нам бы, братцы, так полетать!, Как бы не оповдаты!, Куда бы нам теперь пойти?* (в действительности же здесь совершается процесс перехода в наклонение изолирующе-агглютинативного типа).

Грамматическим противопоставлением реальности — потенциальности организуются не только личные формы глагола. Так, напр., в современном

² Примеры, использованные в настоящем сообщении, преимущественно взяты из следующих работ: *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва (изд. „Наука“) 1970; J. Bauer—R. Mrázek—S. Žažá, *Příruční mluvnice ruštiny pro Cechy II*, 2-е, испр. изд., Прага 1966.

чешском языке к реальному наклонению относятся также деепричастия и полные формы причастий, тогда как инфинитив является формой потенциального наклонения³.

Грамматикализация семантического противопоставления реальности — потенциальности наблюдается, как можно предполагать, во многих языках. Однако, грамматикализовано ли оно, или нет, это семантическое противопоставление можно считать универсальным и обозначить как модальность в собственном, *respective* узком смысле. Коммуникативную намеренность, которая с ней переплетена, а в некоторых языках, может быть, именно она является вполне грамматикализованной, следует считать самостоятельным значением предложения.

Реальность и потенциальность „объективна“ в том смысле, что говорящий занимает к отношению содержания предложения к действительности объективную позицию. Если его отношение к содержанию предложения сознательно субъективно, то мы имеем дело с оценкой, а именно с оценкой в узком смысле (интеллектуальной), напр. *Он, к счастью, вернулся, Я люблю, когда дети играют тихо*, или с оценкой эмоциональной (эмоциональностью), напр. *Ну и тепло же сегодня!*; эту область также следует отделить от модальности. Равным образом противопоставление утверждения — отрицания, включающее в себя виды предложений по самым разнообразным критериям, представляет в языке самостоятельную семантическую категорию вне модальности.

При выяснении границ языковой модальности нельзя обойти вопрос т. наз. модальных глаголов и наречий („предикативов“). Значение модальных глаголов подходящим образом подает Э. Бенешова как „предрасположенность исполнителя к осуществлению действия (возможность, необходимость, волеуправленность)“ (см. ее сообщение). Понятие исполнителя, пожалуй, целесообразно заменить более широким понятием субъекта; кроме того, наряду с действием следует учитывать и состояние. Следовательно, я определяю значение модальных глаголов и наречий как „предрасположенность субъекта к осуществлению действия или состояния“. Эта предрасположенность, с одной стороны, может быть „личной“ (субъект является определенным), или „безличной“ (субъект является неопределенным или общим), с другой стороны, она реальна (ср. *я могу, должен, хочу работать* или *спать, мне надо, нужно, хочется работать* или *спать, можно, надо, нужно, следует, полагается, хочется работать* или *спать*), или потенциальна (*я мог бы, должен был бы, хотел бы работать* или *спать, мне пришлось бы, хотелось бы работать* или *спать, можно было бы, надо было бы, хотелось бы работать* или *спать*). А это значит, что предрасположенность субъекта к осуществлению действия или состояния не является модальностью в собственном смысле, а самостоятельной семантической категорией, и что термин „модальные глаголы и наречия“ следовало бы заменить термином „глаголы и наречия расположенности“ или другим подходящим термином. Приведенную семантическую категорию можно, конечно, передать не только посредством глаголов или наречий предрасположенности, но также и при помощи других средств, ср., напр.,

³ Ср. понимание действия в инфинитиве как абстракции у И. Польшауфа, *Děj v infinitivu*, SaS 20, 1959, 183—202.

русск. *Мне еще уроки готовить, Тебе бы молчать или Ты бы молчал* (чешск. *Měl bys mlčet*).

Языки выражают реальность или потенциальность (модальность в собственном смысле) не только вообще, но выражают также и степени реальности (ср. *Он вернется / не вернется — Он, может быть, вернется / не вернется, Он, вероятно, вернется / не вернется, Он непременно вернется / ни за что не вернется*) и оттенки потенциальности (ср. *Он вернулся бы / не вернулся бы, Вернись / Не возвращайся — Он, может быть, вернулся бы / не вернулся бы, Он, вероятно, вернулся бы / не вернулся бы, Он непременно вернулся бы / ни за что не вернулся бы, Непременно вернись / Ни за что не возвращайся*). Степени и оттенки модальности в собственном смысле можно включить в модальность в широком смысле (в таком случае противопоставление реальности — потенциальности представляет собой модальность в узком смысле). Они передаются, как правило, лексико-синтаксическими средствами. Отчасти используются для их выражения и глаголы предрасположенности („модальные“), ср. чешск. *Mohlo ti být 30 let, Musí ti být každou chvíli*; русский язык, в свою очередь, частично употребляет инфинитивные конструкции, напр. *Тебе не успеть на поезд*.

Примечание к модальности как конститутивному признаку простого предложения⁴: Что касается противопоставления реальности — потенциальности (модальности в узком смысле), один из его членов может быть выражен не только любым простым предложением (как главным, так и придаточным), но также и сложноподчиненным предложением как целым (его модальность определяется модальностью главного предложения), а с другой стороны, и полупредикативной конструкцией. То же самое справедливо и о степенях и оттенках модальности, которые, кроме того, могут относиться и к отдельным членам предложения, ср., *Окно это, наверно, Иван разбил*; этот факт дан тем, что большинство и простых предложений можно разбить по крайней мере на два элементарных предложения, напр.: *Кто-то разбил окно. Наверно, это был Иван.* (Разбитие предложения неослабленной степени реальности *Окно разбил Иван: Кто-то разбил окно. Это был Иван.*) Коммуникативной намеренностью, наконец, обладает любое простое и сложное предложение. Из приведенного видно, что любое простое предложение выражает модальность в узком смысле и обладает определенной коммуникативной намеренностью; в этом смысле оба значения представляют собой конститутивные признаки простого предложения, но ни одно из них не является его признаком различительным (конститутивным в узком смысле). Это установление есть аргумент в пользу формального понимания предложения⁵.

⁴ „Высказывание“ я не считаю языковой единицей, это — аналогично „наименованию“ — только понятие функциональное.

⁵ О формальном понимании предложения ср. мою статью *Věta, větné jádro a větné typy*, Bulletin ÚRJL XVI, 1972, 141—161.